

18+ СЕРИЯ ЛАНА ГАГАРИНА

MEHA

Светлана Гагарина

Мена

«Издательские решения»

Гагарина С.

Мена / С. Гагарина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699905-3

В безудержной гонке за совершенством человечество способно совершать бездумные поступки, имеющие разрушительные последствия. Даже в казалось бы полностью потухшем мире, где нет пути назад к исцелению и процветанию, находятся те, кто способен искренне любить и жертвовать ради будущего. Ошибки прошлого заставляют полностью переосмыслить поступки и вырваться из замкнутого круга. А природа всегда возьмёт своё для восстановления своей жизнедеятельности, пусть и не тем путём, которым следовала ранее.

ISBN 978-5-00-699905-3

© Гагарина С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	21
5	25
6	29
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мена

Светлана Гагарина

*Оглянись вокруг. Ещё есть возможность
что-то изменить.*

© Светлана Гагарина, 2026

ISBN 978-5-0069-9905-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Работы шли полным ходом. Надо было выполнить всё в течение одного месяца, а прошло уже две недели, а бур никак не мог достигнуть плодной пустоши на глубине полутора километра в коре Земли. Вокруг этого серого, неприятного места, окутанного дымкой из паров, выделяемых из самых недр, где шла добыча, было грязно, сыро и холодно, с постоянной слякотью, неприятным странным запахом, повсюду витающим в тяжёлом воздухе. Работающие здесь люди носили утеплённые прорезиненные комбинезоны. Могучая, и довольно шумная буровая установка находилась под сильным электрическим напряжением, и всю свою электрическую мощь направляла в кору земного шара, чтобы, как можно быстрее, разрушить уплотнённый и затвердевший, а местами окаменелый слой почвы и добраться к той заветной пустоши. Бур умолкал лишь на час с четырёх до пяти утра. Его останавливали, чтобы быстро охладить. Рядом с буром была построена крытая мощная холодильная камера с мега охлаждающими насосами, гала-стальные шланги которых на этот час подсоединялись специальным роботом к буру. Будто по венам, жидкость охлаждающего средства растекалась по всей буровой установке, моментально и безопасно охлаждая все части грозной машины. Бур был невероятно огромен. Величественная, тёмная махина из титанового сплава работала без устали, совершая громкие и тяжёлые удары по окаменелой почве, каждую минуту поднимая и резко опуская наипрочнейший «длинный нос» с острым титаново-алмазным наконечником внушительного размера в самые недра уставшей планеты. Однорукие роботы, поставленные вокруг быстро образующейся воронки, захватывали землю своими ковшом и грузили её в большие вагоны. Куда-то далеко вагоны увозили эту землю — совершенно мёртвую и бесполезную, через каждую крупницу которой были пропущены мегавольты тока, испускаемые грозной машиной.

Тамара наблюдала за движением бура молча, нахмутив брови, из здания, принадлежавшей фирме АО «Заслон», напротив: Стёкла была наполнена сотрудниками, а также всяческой аппаратурой, поддерживающей постоянную работоспособность бура, холодильной камеры. С помощью альфа-панелей строго следили за продвижением вглубь Земли. Ещё два скан-аппарата точно определяли состояние здоровья абсолютно всех людей, работающих в этом неприятном месте.

На одном из скан-аппаратов вдруг стало видно, как жёлто-белый силуэт человека упал на землю.

— Одного теряем, — сказал Роберт Тамаре, указав пальцем на недвижимое жёлто-белое пятно на скан-аппарате. — Эта кривая линия сбоку... Это сердце. Слишком часто бьётся.

Тамара перевела взгляд на Роберта. Взгляд выражал очередное недоумение.

— Этот бур уничтожит всех моих работников! — недовольно сказала она, будто Роберт в чём-то виноват. — Эти губительные излучения, эти сумасшедшие децибелы. Они просто убийственны. Нам дан всего месяц, а мы и до половины не добрались! Ещё и люди! За две недели четверо в Летучем Госпитале. Средства под завязку, Роберт. И этого теперь лечить. Не знаю, что и лучше. Лучше бы он умер.

— Сегодня из Сообщества Правителей опять выходили на связь. Ждут результата, — сказал Роберт, не обратив внимания на жестокость в словах Тамары.

— Посмотри на всё это, Роберт! — недовольно воскликнула Тамара. — Где ты видишь результат? Здесь? — и она ткнула пальцем в одну из альфа-панелей. — А может, здесь? — и она ткнула пальцем в другую альфа-панель. — Я не вижу результата. А ты видишь?

Роберт нервно вздохнул. Он и сам понимал, что время на исходе.

— Как я могу что-то ответить Сообществу Правителей, если мы не достигли пустоши! Даже я не верю, что она там действительно есть.

— Пустошь существует, Тамара. Наши Роботы — Разведчики это подтверждали, и не раз.

— Надеюсь на это, — резко ответила Тамара. — Кстати, они ещё на ходу? Слышала, один в ремонте.

— У одного испорчена лишь вибрационная карта. Но она в процессе изготовления. Два дня, и всё, заменят.

— Ты так просто об этом говоришь!? — продолжала злиться Тамара. — Разведчиков всего два! Один навернулся. Бур пробил ещё около трёхсот метров, поэтому пора опять засылать их, а работает всего один. Роберт, ты же знаешь, что их по отдельности нельзя отправлять!

— Да, знаю, Тамара. Но... два дня.

— Роберт... Два дня это слишком много!

— Процесс не ускорить.

— Двадцать второй век! Двадцать второй! И ты говоришь, что нельзя ускорить! Такое ощущение, что мы в доисторическом обществе с тобой живём. Два дня... Чёрт. Вдруг бур зря долбит эту землю? Вдруг пустошь в другом месте?

— Это исключено. Разведчики точно показали, что она здесь.

— Надеюсь. Сообщество не простит мне неудачи.

Мужчина и женщина замолчали. Тамара ещё раз обратила внимание на скан-аппарат, который показывал упавшее тело уже в виде бело-синего пятна, что означало отсутствие признаков жизни. Линия сбоку была абсолютно прямой, что говорило об остановке сердца.

— Распорядись убрать его, Роберт. Лежит там человек, один, никто на него внимания не обращает, — сказала Тамара абсолютно равнодушно, переводя взгляд вдаль, на работающий бур. — Зато тратиться не надо на Летучий Госпиталь, — прибавила она тихо.

Роберт молча глянул на Тамару, на скан-аппарат с неподвижным пятном, о чём-то на миг задумался и быстро ушёл.

Спустя пару минут Тамара заметила на скан-аппарате красно-жёлтые силуэты людей, сбегавшихся к упавшему рабочему, но отвернулась. Ей совсем не хотелось наблюдать за этим действием. Её интересовал только бур, который с каждым ударом о землю всё больше приближался к заветной пустоши.

В течение двух дней бур продвинулся вглубь ещё на четыреста метров. Тамара была довольна такому положению дел, и всё же надеялась на досрочное завершение работы.

При полном обмундировании, защищая кожу и лёгкие, она о чём-то говорила с координатором вагонных перевозок. Было очень шумно — мощные удары бура, погрузка земли в вагоны, движение этих самых вагонов. Дыхательный сквор на головах людей был похож на круглый громоздкий аквариум, с тонкими трубками из лавренного угля. Сквор хорошо очищал тяжёлый, наполненный едкими газами, пылью и грязью воздух. Шум и скворы мешали людям хорошо слышать друг друга. Оттого координатор старался громко говорить, почти кричал, а Тамара, морщась от внешнего шума и недостаточной громкости голоса координатора из-за сквора, внимательно вслушивалась в его слова.

— Идём, Тамара! — крикнул Роберт, неожиданно появившись рядом.

Тамара вздрогнула и испуганно повернулась к нему. Роберт махнул ей рукой, чтобы лишний раз не кричать и направился обратно в Стёклу.

— Увозите чаще в том направлении, всё согласовано! Это точно! Вагонов надо больше! — крикнула Тамара координатору, на что тот кивнул головой и побежал в сторону вагонов. Тамара поспешила за Робертом.

— Фух, — вздохнула она, вбежав в Аппаратное Здание Стёклы, и сняв сквор. — Оглохнуть можно. Чего ты звал? И почему ты без сквора? Загубишь лёгкие. Или тебе мало уродства на твоём теле?

— Тамара, не стоит напоминать. Есть очень важная информация.

— Что может быть важнее сейчас? Мы очень хорошо продвигаемся вглубь. Нужно больше вагонов.

— Вибрационная карта изготовлена.

— Что за карта?

— Разведчики! — удивлённо ответил Роберт. — Их можно запускать.

— Ах, да! — воскликнула Тамара. — Отлично! Отлично! — она запаниковала. — В Сообществе знают? Им надо сообщить.

— Да, надо. Через два часа они выйдут на связь. Надо их успокоить.

— Может, лучше дождаться результата? От Разведчиков? Вдруг, — глаза Тамары забежали в сомнениях, — вдруг они не найдут ничего? — и она взглянула на Роберта так, будто желая услышать отрицание своих слов. И она услышала.

— Думаю, это невозможно. Они не могли ошибиться. И сейчас, когда мы так близко, они должны только подтвердить нашу находку.

— Отлично, отлично, — повторяла Тамара. — Я хочу взглянуть на наших маленьких спасителей. Веди меня.

— Хорошо, — ответил Роберт. — Идём.

Тамара быстро последовала за ним.

Они прошли по двум узким коридорам, вдоль которых были проведены длинные узкие трубы, и вошли в Локационную. На Техническом столе Тамара увидела двух Разведчиков: два робота, похожих на конусовидные моллюски обтекаемой формы, с прочной обшивкой, и с тремя мощными мини бурильными аппаратами по краям. Совершенная эхолокационная программа позволяла выводить на экраны альфа-панелей Стёклы всё, что попадалось на пути Разведчиков на расстоянии до километра даже сквозь твёрдые породы Земли.

Тамара бережно провела рукой по одному аппарату, потом по другому, словно мать, лаская своё дитя. Она смотрела на них, как на живых существ.

— Не подведите меня, милые, — начала разговаривать с железом Тамара. — От вас сегодня зависит многое. Вы просто обязаны дать мне то, что я так хочу от вас получить. Покажите мне пустошь, покажите в этой пустоши сферы. Докажите мне, что они действительно существуют... Когда Разведчиков доставят к воронке? — обратилась Тамара, уже к Роберту.

— Они готовы, уже можно перевозить.

— Я хочу на это посмотреть. Хочу следить за каждым их движением.

— Всё получится. Пустошь со сферами точно там.

— Я надеюсь на это, очень надеюсь, Роберт. Бур справляется с работой, теперь осталось дело за малым. Теперь нам надо справиться со своей работой. Мы уже так глубоко, и так близки к цели, ошибки быть не должно.

В Локационную зашли хорошо обмундированные люди, аккуратно погрузили Разведчиков на самодвижущуюся Галлу и, управляя ею движениями рук в специальных селекторных перчатках, направили Галлу к выходу. Тамара следовала за ними, будто не доверяя никому из них.

— Тамара, тебе не следовало бы приближаться к буру, — говорил Роберт, спеша за ней, — воронка уже слишком глубока, много вредных испарений. Идём в Приёмную. Будем следить оттуда. Альфа-панели всё покажут.

Тамара остановилась.

— Ты прав. Я волнуюсь. Я не знаю, что со мной.

— Может, скорая связь с Сообществом тебя выводит из себя?

— Да, возможно. Когда сеанс?

— Через час. Но мы ещё успеем понаблюдать за Разведчиками. Идём, — и Роберт направился в Приёмную. Тамара закрыла глаза, вздохнула и, решив взять себя в руки и успокоиться, последовала за ним.

Галла, управляемая людьми, доставила Разведчиков к воронке. Раздался скрежет и гул — работа бура была остановлена. Огромная махина, работающая без устали, на время прекра-

тила свои мощные удары и воцарилась непривычная тишина. В густую едкую дымку, поднимающуюся из недр воронки, дна которой не было видно, были направлены световые прожекторы, лучи которых утопали в выделяемых испарениях. Галла опрокинула Разведчиков на землю у самого края воронки. Роботы тут же начали выделять мазутно-грифельную слизь и скользить по ней по отвесному склону, выдолбленному наэлектризованным буром. Через несколько секунд Разведчики скрылись в подземной темноте.

— Всё внимание на альфа-панели! — скомандовал Роберт.

Люди напряглись в ожидании. Решалась судьба многих. Судьба Мира.

Результаты видимости совершенной эхолокации Разведчиков отображались на альфа-панелях — их идеальная система передачи данных показывала всё, что «видели» сами искусственные конусообразные моллюски. Тамара нервно вглядывалась в одну из альфа-панелей — она не хотела упустить ни единой детали. Разведчики, достигнув на мазутно-грифельной слизи самого дна воронки, намертво впились своими мощными мини бурильными аппаратами в землю и начали быстро продвигаться, всё глубже и глубже, сквозь размякшую и рыхлую землю, приведённую к такому состоянию сильным электрическим током мощного бура. Спустя пятнадцать минут полного напряжения и тишины в Стёкле, эхолокаторы Разведчиков начали ясно передавать очертания пустоши огромного размера в коре Земли на глубине около километра. Тамара засияла. Дыхание участилось. На лице появилась непроизвольная, уверенная улыбка.

— Я не вижу сферы, — засомневался Роберт, подойдя к Тамаре и также пристально вглядываясь в альфа-панель, где отображались эхолокационные картинки, передаваемые Разведчиками.

Тамара нахмурила брови. Она на секунду начала было сомневаться, глаза быстро забежали по панели.

— Вот! — воскликнула Тамара, указав пальцем на экран. — Вот они! Сферы! Сферы... — шептала она, переполняемая радостью. — Они там, там!

Роберт кивнул головой и вздохнул с облегчением:

— Сообщество Правителей будет довольно.

— И мы тоже, Роберт. Мы тоже будем довольны, ведь правда? — спросила Тамара, обернувшись к нему.

— Я надеюсь на это. Думаю, и нам достанется.

Тамара непроизвольно взяла Роберта за руку. Он поморщился.

— Тебе больно?

— Нет, ты же знаешь. Только в теле ломота, как всегда... Просто неприятно совсем не чувствовать руку.

— Как твоя рука? Я давно её не видела. Ты постоянно носишь длинный рукав и перчатку. Может, покажешь мне.

— Нет. Я не хочу тебя шокировать. Она стала ещё хуже.

— Я люблю тебя, Роберт. И мне не важны погрешности твоего тела. Надеюсь, как и тебе — мои, — и Тамара слегка отодвинула волосы руками, обнажив уши, которые иссохли и превратились в нечто вроде пергамента, скрученного в растрескавшиеся трубочки. — Я знаю, что когда мы достанем сферы, наша жизнь изменится. И мы станем вновь молоды, полны сил. Мы не будем больше чувствовать ломоту во всём теле. Мы не одни, Роберт. Посмотри вокруг, тут все постепенно лишаются какой-то части тела. А многие — сразу нескольких частей. Все сотрудники, работающие здесь, работают из последних сил, преодолевая боль в теле, страдания, неудобства от ограничения подвижности. Скоро у нас у всех будут новые тела. И у тебя будет новая, совершенно здоровая рука, Роберт. И я... Я смогу вновь покорять тебя своей красотой, как и раньше, — и Тамара, прикрыв отмирающие уши волосами, крепко обняла Роберта.

Он, обнимая Тамару, с надеждой смотрел на альфа-панель, на которой отчётливо было видно, как Разведчики возвращаются к поверхности.

— Только бы сфер там было много, — произнёс Роберт, — только бы их хватило на всех, только бы хватило...

На стенах в этот момент развернулись сжиженные плоскости трансляционных поверхностей, и Тарон предстал в своём убогом обличье, скрывая свою неспособность за плотными одеждами.

— Как проходит добыча? — с трудом произнёс Правитель.

— Мы нашли сферы, — волнуясь, сказала Тамара, освободив Роберта от объятий.

— Какое количество сфер вы нашли? — попытался выговорить Тарон. Его тело странно подёргивалось — отмирающие части тела его не слушались, что причиняло постоянную ноющую боль.

— Сфер достаточно, но поиски будут продолжены, — ответил Роберт, пытающийся своим ответом внести долю спокойствия в воцарившееся напряжённое молчание.

— От этого зависит дальнейшее господство человечества, — произнёс Тарон, еле выговаривая слова. — Или господство уродства наряду с господством неизвестной болезни, но уже без человечества.

Тарон с усилием подал знак рукой своим приспешникам, и сеанс был прерван.

Сотрудники Стэклы продолжали молчать, обдумывая слова Тарона, глядя кто друг на друга, кто на альфа-панели. Неприятный во всех отношениях Правитель был прав. Нужно было найти лекарство, во что бы то ни стало. И этим лекарством, как полагалось, должны были стать сферы. От удачно выполненной операции по добыче сфер зависело дальнейшее существование жителей планеты.

2

Давно исчезли большие города.

Они были рассадниками бактерий, вирусов, болезней, источниками самовольств и несоблюдения законов. Поэтому людей расселяли в небольшие городки, расположенные недалеко друг от друга, и строго следили за населением, их образом жизни, здоровьем.

Структура тел самих людей со временем настолько изменилась, что прежнее человечество, каким его знали ранее наши предки в далёком двадцать первом веке, кануло в небытие. Тех людей считали настолько примитивными, что в обучающих школах создали специальное учение — о том, каким был человек, и о том, каким он больше не должен стать.

Люди могли обмениваться частями тел.

Каждый, да — каждый мог заменить руку или ногу на руку или ногу другого человека. И так с остальными внешними частями, что давно стало обычным делом. Спортсмен мог одолжить более здоровую ногу у другого человека перед соревнованиями и выиграть забег, красавица могла одолжить пышную грудь у другой для участия в конкурсе красоты. Некоторые просто шутили и менялись как можно большим количеством частей тела и играли в «угадайку».

Мена стала обычным делом каждого, в любых ситуациях: серьёзных или просто так.

Было одно «но» — более суток чужую часть тела нельзя было носить, иначе она приживалась навсегда и становилась частью тела нового человека. И в дальнейшем, больше никогда не могла быть использована в качестве мены.

Со временем вживлённая чужая часть тела начинала болеть, ныть, и приносить человеку физические страдания. Поэтому изобрели наноланты. Вживлённые в части тела, они поддерживали их жизненно важные функции, предотвращая болезненные ощущения и ломоту. После изобретения нанолантов, что, несомненно, приносило пользу человеческому телу, Мир начал погружаться в океан беспредела. Частыми стали случаи так называемого телесного мошенничества, воровства. Бывало, людям, взявшим на день какую-либо часть тела другого человека, не хотелось её отдавать по разным каким-то своим соображениям. Возникали споры, ссоры, судебные разбирательства в Высшем Суде Совета, побои, драки, нервные срывы и даже убийства. Поэтому был создан «Центр планирования мен», чтобы избегать подобных случаев и сохранять мир среди населения.

За время своего существования Центр стал одним из могущественных Сообществ, наряду с Сообществом Правителей и Сообществом Целителей. Власть среди человечества была, есть и будет. Цари, монархи, фараоны, президенты, канцлеры, предводители и другие правители — были у разных народов всего мира в разные времена, столетия и эпохи. И теперь не исключение. Власть способна не только разрушать, но и созидать, управлять, поддерживать, распределять и уравнивать то, чего было бы лишено человечество при самоуправлении. Власть способствует сдерживанию хаоса. Иначе бы люди, вершившие правосудие по-своему, давно бы сгнули, утопая в реках мести, зависти, злости, залитых кровью, зачастую невинных.

Эти три сильных Сообщества влияли на ход событий в Мире, на всеобщую обучаемость и осведомлённость. Жителей обучали только тому, что позволяло бы им жить и выживать в этом Мире, но не более того. Лишняя информация могла бы нарушить естественный ход событий и Мировой поведенческий уклад, которые так долго приближали к идеальному. Вопросы политики были строго конфиденциальны. По трансляционным каналам никогда никто не видел новостей об убийствах, о смене того или иного правителя, о болезнях и смертях. Общество жило в идеологии по принципу всеобщего счастья, справедливости и достатка.

«Центр планирования мен» возглавляла Марго, она держала возможности мены частями тела под строжайшем контролем. Всюду установленные Точки Слежения выявляли даже малейшие признаки готовящихся незаконных мен. Каждый человек, нуждающийся в мене мак-

симум на сутки, был обязан прийти в Центр и подписать вынужденный договор с тем, кто давал ему необходимую часть своего тела. В эту часть тела, которая подлежала мене, в кровеносные сосуды впускали наноланты. Это были уже не те прежние наноланты, а новые, модифицированные, особым образом исправленные, которые контролировали сроки мены. Если люди не соблюдали эти сроки — сутки, и им всё же удавалось скрываться по истечении назначенного времени, то часть тела вживлялась в нового хозяина, будто всегда ему и принадлежала. Но таких неудавшихся беглецов всегда находили, благодаря нанолантам, задерживали и приводили в «Центр». Невозможно было укрыться в маленьких городках от закона, имеющего повсюду Точки Слежения за менами. И Главным Судейством Центра, главным судьёй которого, естественно, выступала Марго, всегда принималось только одно решение: прижившаяся часть тела хирургическим путём, при помощи специальных роботизированных микрохирургов, отсекалась от нового хозяина и также, хирургическим путём, возвращалась прежнему. Наноланты не только контролировали сроки мены, уведомляли об этом «Центр» и напоминали новым хозяевам о сроке возврата части тела, подсвечивая её радужным светом, но также поддерживали жизненно важные функции обменной части тела, даже при её возврате обратно хирургическим путём.

В этом вопросе Новый мир не так далеко продвинулся вперёд — возвращённые насильственным путём, роботизированными микрохирургами, части тела больше никогда не могли быть заменены, ими больше невозможно было обмениваться, так как они приживались к телу навсегда, а людям, с кем это происходило, присваивался статус «Обезличенных». Таких людей селили в отдельные места, и они имели ограниченные права. Это были своего рода тюрьмопоселения, Обезличенные городки, из которых невозможно было перевестись обратно в нормальные, обычные городки, к считающимся нормальными людям. Обезличенные навсегда лишались возможности сделать карьеру, путешествовать, посещать общественные места. Они становились простыми работягами, трудясь в лагерях, только бы лишь прокормить себя и хоть как-то поддержать своё существование. В их тела, перед отправкой в лагеря, вливали большое количество неисправных нанолантов, которые препятствовали мене. Таким образом, Обезличенные больше никогда, даже чисто физически, не могли меняться частями своих тел, и даже если от этого зависела их жизнь. Дети, рождённые в Обезличенных городках, навсегда приобретали такой же статус Обезличенных, неся тем самым несправедливую ответственность за своих законопослушных родителей.

Подобные случаи незаконной мены были редки. Поэтому, зная, что ждёт каждого в подобных ситуациях, люди строго соблюдали сроки мены. В основном, все старались доверять друг другу.

Через какое-то время люди стали замечать, что те части тела, которыми они раньше обменивались, начинали постепенно стареть, терять чувствительность, приобретать уродливые формы, или вовсе отмирать и отваливаться. Почему это происходило, не знал никто. Исследования и опыты не приводили к нужному результату. Сообщество Правителей находилось в замешательстве, в Сообществе Целителей лишь разводили руками. Люди были взволнованы неожиданной напастью. Никто не понимал, как это лечить, как с этим бороться. За долгие годы почти все когда-либо и чем-либо менялись. Теперь общество начало стареть и терять то, что когда-то украшало других людей всего лишь на сутки... Не целиком, не полностью стареть, а лишь частями. И это было страшно. Очень страшно было видеть людей без нескольких частей тел. У многих их части тела ещё оставались на месте, но они были сморщенными, растрескавшимися, синюшными, иссохшими, неработоспособными или окаменевшими.

Те, кто менялся часто и несколькими частями своего тела, превращались в уродливые создания. Таких и вовсе ссылали в отдельный город-призрак, чтобы они не пугали своим видом остальной народ в Мире, надеющийся на светлое будущее и скорое выздоровление.

Некогда цветные жидкие экраны, расплывающиеся по стенам всех домов, с которых транслировалось счастье и радость, улыбки и хорошее настроение, потускнели и транслировали только пустую, бесполезную рекламу и новости медицины, в насущных вопросах которой Целители практически никуда не продвинулись. С этих экранов стареющие, лишаящиеся своих частей тела люди слышали лишь обещания помочь во всеобщей беде. Нескончаемый поток новых открытий в области лечения неизвестного заболевания оказывался бесполезным.

Тысячи добровольцев записывались в огромные очереди по тестированию новых препаратов, но ни один из таких препаратов не оказывал никакого лечебного действия.

3

Марго, женщина, любящая власть и порядок, от природы была очень и очень некрасива. Ни лицом, ни телом. Она жила отшельником, в своей одинокой комнате, прямо в «Центре планирования мен». Здесь она жила, отсюда она правила и следила за порядком. Сотрудники Центра во всём ей подчинялись, испытывая к ней глубочайшее уважение, признавая всю правоту и полезность принимаемых ею законов о мене и совершённых в этом «Центре» действий.

Марго ни разу никому не показалась на глаза в своём естественном виде. Её знали, о ней говорили, её боялись, но никогда не видели её облика. Все вопросы она решала только при личных встречах и совещаниях, но исключительно в чёрно-белой маске, бесформенном чёрно-белом атласном плаще и чёрных лаковых перчатках. Большая чёрно-белая маска была её вторым лицом, которое узнавал весь Мир. Атласный чёрно-белый плащ и чёрные лаковые перчатки прикрывали её некрасивое и, по правде сказать, уродливое тело. Марго нравились эти цвета. Чёрный она ассоциировала со своим уродством, а белый цвет — был для неё цветом надежды на то, что она когда-нибудь обретёт красоту, которая позволит ей ощутить все радости жизни, которых она всегда была лишена.

Среди людей даже пошла молва о том, что сама Марго не живая, будто это робот, призрак или какое-то чудовище, созданное Сообществом Целителей для устрашения людей, чтобы те перестали меняться либо боялись меняться нелегально. Много разного сочиняли в Мире. Марго знала об этом и каждый раз, глядясь в зеркало, действительно видела чудовище. Она хотела, во что бы то ни стало, стать как можно красивее. Но это было невозможно.

Марго, такой, какая она есть, видел лишь один человек. Кристоф. Её правая рука. Божественно красивый, сильный, высокий мужчина. Он выполнял все её приказы. Она щедро одаряла его. Он купался в богатстве и власти, пусть ограниченной. Ему очень выгодно было держаться около неё — вторым по своей величине в «Центре планирования мен». И это его пока устраивало. Двуличный по своей сущности, Кристоф ждал своего момента. Некрасивая Марго была равнодушна к нему. Она его страстно, очень сильно любила, всей своей душой. И он это знал, видел, ощущал. Он терпел её поцелуи, которые казались для него хуже поцелуев самой склизкой и бородавчатой жабы, терпел её объятия, которые были для него хуже самых удушливых объятий амазонской анаконды. При каждом её прикосновении, при каждом поцелуе, при каждом мгновении нахождения в её обществе Кристоф думал лишь о той власти, которая могла бы быть в его руках, не будь Марго.

Властная, жёсткая, но справедливая Марго, жившая здесь, в «Центре», откуда и управляла меной, совершенно забыла, когда последний раз выходила из этого здания. Она пряталась от всех, от всего, от каждого, в то же время, будучи всегда у всех на виду, на слуху и на языке. Её комната — её мрачная и не богатая убранствами обитель — была её убежищем, местом обдумываний и страданий, где чувства, её наполняемые, могли обрести покой либо вырваться из её глотки истошным криком, наполненным отчаянием, неиссякаемой болью одиночества и глубоким горем от уродства её тела.

Кристоф тихо постучал в дверь Марго. Ответа не последовало. Он открыл дверь — она оказалась не заперта. Некрасивая женщина, с надеждой, уже ожидала его, но, почему-то, специально сама не открыла.

— Ты будешь всегда со мной? — вдруг спросила Марго Кристофа, когда тот вошёл и закрыл за собой дверь.

Она сидела у пыльного зеркала, в своём убежище от посторонних глаз, плаще и перчатках, которые она не хотела снимать даже в присутствии Кристофа. Через слой пыли отражения её некрасивого лица почти не было видно. Поэтому это было самое любимое и единственное зеркало Марго.

Кристоф, войдя, остановился в углу сего тёмного и мрачного помещения. Он смотрел на Марго, кипя внутри от отвращения к ней. Прекрасно играя свою роль, он выдавил из себя вполне убедительную улыбку и подошёл ближе:

— Ты же знаешь, что да, — и он прикоснулся к её плечу. Марго вздрогнула. Так желанны были для неё эти прикосновения, так сладки были эти речи для её ушей. Она закрыла глаза и сладостно вздохнула.

— Почему ты не целуешь меня? — спросила она. — Я противна тебе?

— Нет, Марго, ты превосходна, — ответил Кристоф, наклонил голову и слегка, продолжая ощущать внутри себя кипящее отвращение, прикоснулся губами к её шее. — Видишь, я целую тебя.

— Это не те поцелуи, о которых мечтает любая женщина! — неожиданно для Кристофа, закричала она хриплым голосом так, что тот вздрогнул и мигом отпрянул в сторону. — Не те!

Вскочив, Марго резко схватила со стола массивный подсвечник, доставшийся ей от предков, и кинула его в зеркало. Зеркало треснуло. Пыль осыпалась, и в многочисленных трещинах страшное женское лицо искривилось ещё больше и с невероятной силой передало всю суть уродливости во всех своих проявлениях. От уродливого вида себя же, в расколотом зеркале, откуда из каждого криво, как и её тело, треснутого куска, глядели десятки одинаковых чудовищ, Марго обессилено отвернулась и закрыла лицо руками.

Кристоф, до сих пор не привыкший к подобным выходкам, молча стоял и ждал, что же будет дальше. Что ещё выкинет это убожество. Его терпение было не бесконечно, но он старался изо всех сил, и ждал, ждал...

— Извини, любовь моя, — вдруг мягким голосом сказала Марго. Она повернулась к Кристофу всем телом, ещё раз демонстрируя своё очень некрасивое лицо. — Я немного погорячилась. Я не испугала тебя?

Кристоф смотрел на неё. Как же она была ему противна. Он проглотил ком в горле и сказал, пытаясь вновь выдавить улыбку на своём лице:

— Сообщество Правителей на связи через пять минут, нужно идти, — и он подошёл к кровати, взял маску, лежащую на ней, и протянул её Марго.

Марго с презрением посмотрела на эту маску. Вдруг она так резко подошла к Кристофу, что тот, от неожиданности, и несколько испугавшись, сделал шаг назад.

— Ты не ответил мне на мой вопрос. И сразу начал говорить о другом... Я настолько сильно вызываю в тебе отвращение? — прошептала она, глядя прямо ему в глаза своими глубокими, тёмными глазами с нависшими веками. — Ты боишься меня? Ты так боишься, что пугаешься каждого моего движения?

— Нет, Марго, ты ошибаешься. Я с тобой. Ты же видишь, что я с тобой.

— Я не хочу больше таких отношений. Поцелуи в шею, прикосновения к плечу... Разве этого хотят женщины? — Марго всё ближе подходила к Кристофу, приближая своё противное для него лицо к его лицу. — Ведь не этого, Кристоф, не этого. Я так много тебе дала. Так много. И что я получаю взамен? Что? Кристоф? Поцелуи в шею?

— Марго, всему своё время. Поверь, — и он протянул Марго её маску ещё раз, так же пристально глядя на неё, как и она на него.

— И когда же настанет моё время? То самое, о котором ты только что сказал? — произнесла Марго. — Когда настанет наше с тобой время? — и она настолько близко приблизилась к губам Кристофа, что тот непроизвольно зажмурился.

Марго в ужасе отпрянула от Кристофа, с недоумением глядя в его красивое лицо.

— Ты..., — задыхаясь говорила она ему, — ты... настолько я омерзительна тебе, что ты зажмуриваешься?

Она негодовала. Обида прожигала изнутри — на её любовь никогда не будет ответа в сердце горячо любимого ею человека.

Послышались гудки, подобные сирене. Марго вздрогнула. Она схватила маску из рук Кристофа, презрительно бросив ему взгляд, наполненный горечью не востребованных чувств, и вышла из этого мрачного помещения. Когда дверь за ней захлопнулась, Кристоф вздохнул с облегчением. Он с ненавистью обернулся на расколотое зеркало, бросил такой же ненавистный взгляд на холодные, тёмные стены и поспешил выйти.

В Зале Конференций всё было готово для осуществления связи «Центра планирования мен» с Сообществом Правителей. Работники «Центра», отвечающие за связь с Высшими Правителями, уже ждали Марго, и со звуком гудков, подобных сирене, тут же подготовили к активности вязкое полотно. Большой экран, словно волнами далёких морей и океанов, вязким, жидким полотном растёкся в воздухе, передавая строгие, острые, с глубокими морщинами от старости лица членов Правителей, готовых задавать вопросы и слышать чёткие ответы.

— От вас задержано послание, — недовольно говорил Дидо, президент Сообщества Правителей и всего Мира. — Сколько людей менялось частями тел за прошедший месяц, по каким причинам, что это дало каждому из них? Я хочу знать. И хочу знать причины задержки отчета.

Марго, в своей чёрно-белой маске, сидя в своём величественном Тронном Кресле в Зале Конференций, молчала. Она была крайне расстроена только что случившемся, что почти не слышала Дидо. Её участившееся дыхание, и от этого расширяющиеся ноздри, дрожание пальцев рук, дрожание губ, сдерживающих появление слёз на глазах, постоянное глотание кома в горле — всё это отлично скрывали её маска, плащ в пол и лаковые перчатки.

— Марго, вы слышите меня? — спросил Дидо, несколько недоумевая от того, что его, как президента Сообщества Правителей, видимо не слушают.

Марго очнулась:

— Да, простите...

— Как ваше самочувствие? Мне повторить свой вопрос?

— Нет, я готова ответить, — и Марго, через отверстия в маске, обратила свой взор на вязкое полотно, с которого на неё, в фальшивых волнах вод, смотрели десятки вопросительных и, одновременно, неодобрительных, сильно состарившихся взглядов членов Сообщества Правителей.

— Все мы ждём послания, — всё же повторил Дидо, — чтобы подробно разобрать его. Мы желаем знать, что люди получают от мены. Это позволит предотвратить много плохого и сохранить порядок.

— Я знаю, Дидо. Вы говорите мне об этом, будто я первый день возглавляю «Центр». Мы строго за всем следим.

— Я верю в вас, Марго. И все люди в мире верят. Вы же знаете, как важен порядок, честность и соблюдение правил. Нам понадобилось так много времени, чтобы ко всему этому прийти. Вы же помните?

— Да, помню, Дидо.

— Раньше люди присваивали то, что не принадлежало им по праву. Процветал несправедливый бизнес насильственного обмена, что позволяло одним быть лучше, а другим оставаться с худшим. Я могу многое перечислить из того, что было раньше, Марго. Но это ни к чему, это всем известно. И мы с вами, как и остальные члены Сообществ Правителей и Целителей, на страже наконец-то выстроенного порядка.

— Я обо всём помню, Дидо. И я с достоинством и справедливостью буду продолжать следить за всем, что происходит в менах.

Неожиданно в Зале Конференций появился Кристоф. Он подошёл к Марго и что-то шепнул ей на ухо.

— Послание уже у вас, — сказала она Дидо, оживившись.

— Мы подробно изучим его. Наше с вами дальнейшее сотрудничество крайне важно для всех наших Сообществ. Для мира во всём мире. Для сохранения физически здоровых людей, довольных существующей властью, во благо каждого.

— Да, Дидо.

— Следующее совещание ровно через месяц. Марго, будьте пунктуальнее в следующий раз, — размеренно проговорил Дидо.

— Да, Дидо, — вновь повторила Марго, глядя на старого, но ещё такого же, как она, могущественного, Президента Сообщества Правителей сквозь прорези своей надоевшей маски. Волны в вязком полотне быстро улеглись, и растёкшийся в воздухе экран исчез вместе с неодобрительными взглядами членов Сообщества Правителей.

Наступила тишина.

Работники «Центра», отвечающие за связь с Высшими Правителями, в воцарившейся тишине также тихо ушли из Зала Конференций, приступив к другим обязанностям.

Кристоф стоял около Марго и молчал. Он слегка побаивался и не знал, чего сейчас от неё ждать. Она продолжала сидеть, как и полагается Главе «Центра», с высоко поднятой головой, ровной осанкой, уверенно положив руки, скрытые плащом и лаковыми перчатками, на подлокотники своего величественного Тронного Кресла, и смотрела совсем не полагающим Главе «Центра» отрешённым взглядом через отверстия чёрно-белой маски куда-то вдаль. Строгость Дидо и недовольство остальных членов Сообщества Правителей, а также недавнее, крайне неприятное событие с зеркалом, откровенно обидные чувства и эмоции, которые так неудачно пытался скрыть любимый ею человек — выбили Марго из равновесного внутреннего состояния.

— Ты когда-нибудь полюбишь меня? — вдруг спросила Марго, повернув голову к Кристофу и переведя на него глубокий, тяжёлый взгляд.

Кристоф не ожидал такого вопроса.

— Возможно, — ответил он быстро, и не обдумав своего ответа.

— Что мне надо сделать, чтобы ты полюбил меня? — вновь спросила Марго, глядя на Кристофа через отверстия маски, зная, что сейчас Кристоф как всегда её обманул.

Как был доволен сейчас Кристоф. Он хотел услышать этот вопрос.

— Я знаю способ, который позволит мне полюбить тебя так крепко, как ты и не могла себе до этого представить, — быстро заговорил Кристоф, припав на одно колено перед своей мерзкой на вид правительницей и положив свою ладонь на её руку, скрытую в перчатке.

— Какой же? Какой это способ? — с огромной надеждой в голосе спросила Марго.

— Идём за мной, — ответил Кристоф. Он встал и направился в сторону. Марго последовала за ним, будто собачонка за своим хозяином, сама того не осознавая.

Кристоф привёл её в одну из комнат «Центра» — в Асганду. Кристоф считал Асганду своей обителью душевной радости и бестелесного наслаждения. Он любил часами просиживать у экранов Асганды и наблюдать за жителями разных городков. Не за всеми, а только за красивыми девушками, к которым он был так не равнодушен. Прочные, не прослушиваемые и не просматриваемые стены и потолки Асганды покрывали тончайшие, полуневидимые полотна жидких экранов, ни на миг не прекращая транслировать прекрасные женские лица, их красивые тела, их весёлый смех и искренние улыбки, передавая всю радость их бытия, вызывая нескончаемые порочные желания, беспорядочно возникающие в голове Кристофа.

— В этой комнате мы решим нашу проблему? — иронично сказала Марго, сняв маску. — Сегодня ты сильно обидел меня. И из-за тебя я чуть не утратила доверие Сообщества Правителей, опоздав на встречу, и не получив вовремя послание о менах. Ты подрываешь мой авторитет.

— Я хочу сейчас говорить не об авторитете..., — и Кристоф сделал многозначительную паузу. — Я могу сделать тебя самой прекрасной женщиной из когда-либо существующих. И я смогу влюбиться в тебя так сильно, что ты утонешь в море моих ласк и поцелуев.

— Что? — спросила Марго. — И как ты это сделаешь? — Марго стало очень горько ещё от одной правды. — Красивой? Значит, я утону в твоей любви только тогда, когда я стану красивой? Значит, все твои слова, прикосновения ко мне — некрасивой — это игра? Это всё игра...

— Мы сделаем тебе другую внешность! Ты станешь прекрасной!

— Ты совершенно не отвечаешь на мои вопросы. Хотя, я... я всё понимаю... Я сама знаю ответы. Я слишком наивна. Я наивно жду, что смогу растопить твоё сердце, но этого не будет. Не будет никогда...

— Это будет. Это возможно, — с надеждой говорил Кристоф. Но не с той надеждой, которая помогла бы ему влюбиться в уродливую женщину, а с той, которая позволит ему добиться власти, если Марго последует его плану.

— Что ты имеешь в виду? Неужели ты хочешь, чтобы я поменялась? Но в таком случае я полностью разрушу свой авторитет. Каждая мена регистрируется. Ты хочешь, чтобы все узнали, какая я уродка? Тем более, это всего на сутки... Зачем мне красота на сутки? Я хочу быть красивой всегда, хочу быть любима тобой вечно. Только тобою...

— Ты будешь вечно красива, и будешь любима мною. Вечно! — сказал Кристоф и, улыбаясь, дотронулся к одному из экранов. Тут же с многочисленных тончайших жидких полотен, включившихся одновременно от простого прикосновения своего «хозяина», полился весёлый смех, наполненный радужным настроением, светлыми взглядами и искренним дружелюбием. Настроенные за долгое время наблюдений Кристофа датчики быстро сконцентрировались на многих людях. Вернее, на очень красивых девушках из разных городков. Датчики выводили изображение одной красавицы за другой, а красавицы вели свой обычный образ жизни, не подозревая, что за ними следят.

Марго не могла поверить глазам. Как он, любимый человек, мог привести её в это помещение и показывать других женщин, искренне любуясь ими в её же присутствии?

— Ты издеваешься надо мной? — со слезами на глазах, дрожа всем своим корявым телом от злости, спросила Марго. — Для чего ты мне это показываешь? Ты хочешь унижить меня? Хочешь ещё раз подчеркнуть мои недостатки, моё уродство перед остальными?

— Нет, вовсе нет! — начал успокаивать её Кристоф. — Я хочу показать тебе то, какой ты можешь стать. Хочешь — такой! А хочешь — вот такой! — продолжал Кристоф, показывая то на одну девушку, то на другую. — Посмотри, как они прекрасны. Если ты возьмёшь от всех понемногу, то станешь просто Богиней.

— Ты сумасшедший! — произнесла с горечью и обидой Марго. Она морально утомлённо и с сущей безысходностью смотрела на девушек, бесконечным потоком мелькающих на жидких полотнах. — Ты ненавидишь меня? Ты хочешь уничтожить меня... Ты хочешь унижить меня, убить, растоптать, раздавить...

— Ну, ну, перестань... Вовсе нет, моя милая Марго. Я хочу любить тебя. Прекрасную, мою Прекрасную Владычицу.

— Прекрати! — раздражённо крикнула Марго. — Зачем мне красота на сутки? Зачем? Зачем мне этот позор! Я не собираюсь выставять себя на посмеище!

— Никто и не узнает! — крикнул в ответ Кристоф.

— Что? Почему не узнает? Ты хочешь пойти против законов?

— Каких законов, Марго? Которые установил пресловутый Совет? Эти недалёкие члены Сообществ? Старики, выжившие из ума? И ты, зачем ты поддерживаешь такие законы? Зачем разрабатываешь и соблюдаешь такие законы, наравне с угрюмыми стариками? Раньше каждый мог делать то, что хотел. Меняться. Наслаждаться жизнью в полной мере! А теперь. Что теперь?

Чтобы обменяться какой-то рукой на какие-то сутки, нужно об этом всем сообщить, зарегистрироваться. Ещё и могут отказать тебе — в обмене твоей же частью тела! Тебе не кажется это сумасшествием? Не кажется ли это притеснением человеческого права?

— О чём ты? Ты хочешь мне что-то сказать? Что-то страшное? — и Марго замерла, глядя не на Кристофа, а на окружающие её, пестреющие красотой жидкие полотна.

— Вся эта красота может стать твоей навсегда, а ты моей. Самая могучая и великая Марго...

— Значит, то, какая я сейчас... я не годна для твоей любви? — с потерей последней капли надежды сказала Марго.

— Ты станешь лучше. Прекраснее... Пойми.

— Как я наивна, — тихо произнесла Марго. — И то, что ты предлагаешь — это незаконно. Я понимаю, что ты имеешь ввиду. Но это незаконно. Я блюститель закона, и не могу его преступить.

— Хотя раз попробайся сделать что-то ради себя. Для этой планеты уже сделано всё, чтобы спасти людей. А ты, Марго, попробайся спасти себя. Наполни свою жизнь. Посмотри, — и Кристоф указал на экраны, — посмотри, как они красивы. Как они веселятся, как радуются жизни. У них есть семьи, дети. Любимые...

Марго оторвала взгляд от полотен и перевела его на Кристофа, нахмурившись от жестокости его слов. А Кристоф продолжал:

— Да, они любят. И любимы. Своими мужчинами, своими детьми. А что есть у тебя? У тебя есть счастливая любовь? Дети? Семья? Ты когда-нибудь с кем-нибудь менялась? Ты когда-нибудь познавала всю радость и преимущества мены? Ты хоть раз пробовала поменять себе лицо и по-другому взглянуть в зеркало? Хотя бы на сутки? И я знаю ответ — НЕТ! Ты настолько правильная, ты обрела себя на муки самопожертвования, что, делая счастливыми других, забыла о себе. Ты заточила себя в этом тёмном, безлюдном месте, в этом «Центре», в своей мрачной, пустой и одинокой обители. Общаешься со всеми только в этом плаще, в этой маске, и даже в перчатках. Тебя никто по сути не знает. Ты для всех идол, кукла, статуя. Неживое воплощение закона и надзора. Хотя кто-то подумал о тебе? О твоих чувствах? О твоей жизни? Твои чёрно-белые вещи иссушили всю тебя, всю твою душу. Ты одинока. А ведь ты могла бы каждый день меняться с красивыми женщинами, могла бы каждый день быть разной, вновь и вновь обретая новое лицо, новое тело, постоянно совершенствуя себя.

— У меня могло бы быть всё и без мены, не будь я уродкой! — закричала в сердцах Марго.

— У тебя может быть ЭТО всё, но с меной, если ты, хоть раз, перестанешь соблюдать этот дурацкий, вконец надоевший всем закон о регистрации!

— Ты хочешь, чтобы я поменялась частями тел и не зарегистрировала это?

— Да, просто поменяйся. Хотя раз. И посмотри на себя в зеркало по-другому. Не в ту пыль, в какую ты смотришься каждый день. А в чистое, светлое зеркало. Посмотри на эти прекрасные создания, — и Кристоф вновь обратился к мерцающим красотой полотнам.

— А что дальше? — со слезами в глазах сказал Марго. — И что тогда будет? После мены через сутки я вновь стану страшной и одинокой. А забирать навсегда чужие части тела я не могу. Не могу никого обмануть, предать.

— Это не важно. Просто посмотри.

Марго молчала. Её мысли заплетались. Она была в растерянности. Коварный червь, впущенный в её разум предателем, которого она так слепо любила, вытаскивал изнутри свой путь, ведущий совсем в неверную сторону.

— Я оставляю тебя, — произнёс с подлой надеждой внутри Кристоф. — Подумай над моими словами.

И он, удовлетворённый своими подлыми речами, которые, по его гнусному плану, правильно начали воздействовать на внутреннее сознание Марго, вышел из Асганды.

Марго осталась одна. Враждебные жидкие полотна окружали её. Она смотрела на красивых женщин. Она так завидовала им, их смеху, их счастью, их образу жизни и внешности. Крупные слёзы выступали из тусклых, глубоких глаз Марго. Выступив, они тут же стекали по морщинистым щекам и... привели Марго в чувство. Опомившись, и внутренне ругая себя за секундную слабость, она вытерла мокрые следы с морщинистых щёк лаковой перчаткой, надела маску и быстро вышла из Асганды. Марго почти бежала по пустым коридорам «Центра». Её не покидало чувство ненависти к только что увиденным ею красивым женщинам, которых она считала виноватыми за их же красоту, и из-за которых она сейчас чувствует полное унижение и горечь от невозможности быть такой, как они. Не помня, как она очутилась у своей унылой обители, Марго ворвалась в дверь, кинулась на кровать и, более не в силах держаться, зарыдала истошным рёвом.

4

— Вот ты где, еле тебя нашёл.

— Что ты тут делаешь? — испуганно спросил Гарий у Кристофа, когда тот навестил его прямо в здании Сообщества Целителей. — Я бы сам пришёл к тебе. Мы же договорились о времени и месте. Ты можешь вызвать подозрение.

— Мне нужны твои капли, срочно, — ответил Кристоф. — Нет времени ждать, пока ты придёшь.

Он несколько шурился, никак не мог привыкнуть к атмосфере этого здания, в котором Целители изобретали свои чудодейственные средства от всех болезней: очень светлое здание, внутри и снаружи, наполненное белым светом, белым цветом, Целители в белых костюмах и белых туфлях, белыми волосами, белыми бровями и ресницами, с белыми ручками в руках, белыми папками, белой бумагой. Даже ногти у женщин-Целителей были выкрашены в белый цвет. И только текущие в разные стороны чёрные ленты, служащие передвижными дорожками для Целителей, и разный цвет кожи людей, работающих здесь, помогал Кристофу хоть как-то ориентироваться в пространстве. При попадании сюда, кажется, что попадаешь в Рай, так много здесь светлого, яркого и белого.

— Как ты здесь работаешь? — продолжил Кристоф. — Можно ослепнуть.

— Но капли не до конца протестированы, — сказал Гарий. — И... мы давно привыкли к этому зданию, это вполне нормально. Белый свет молярных ламп помогает уничтожать инфекции. Всё белое пропитано обеззараживающей сывороткой, способной к обеззараживанию только в окружении белого или светлого. Всё это для улучшения качества наших лекарств.

— Не важно, Гарий, — недовольно и поспешно произнёс Кристоф. — Мне не нужны подробности о ваших белых вещах. Мне нужны капли.

— Я понимаю, о чём ты. Хочешь тайно поменяться? Это незаконно, Кристоф. Мена должна быть зарегистрирована, — как можно тише говорил Гарий, постоянно глядя по сторонам и боясь за свою репутацию. — Капли готовы, но я очень боюсь их давать тебе. Я ещё не решил, что с ними делать.

— Не говори ерунды. Мы же давно с тобой всё решили. И ту мену, которую я задумал, нельзя регистрировать. Понимаешь, нужно поменяться, и сохранить это в тайне.

— Не говори только, что это...

— Тихо, — сквозь зубы произнёс Кристоф. — Да, да. Она.

— Отойдём в сторону, мы на виду. И, осторожно, не встань на чёрные ленты. Иначе они увезут тебя к рабочим местам Целителей. Тогда точно обратят внимание на наше присутствие.

Кристоф осторожно, вдоль стены, шёл вслед за Гарием, с неким испугом сторонясь самодвижущиеся чёрные ленты, которых было очень много. Они как кровеносные сосуды пронизывали белые полы всего здания, и изредка проносили Целителей в белых одеждах куда-то в белую даль, к своим рабочим местам. Целители вообще не смотрели по сторонам. Они казались очень занятыми. Все, как один, держали в руках какие-то белые бумаги, в которые строго и пристально вглядывались, что-то в них читая и подчёркивая что-то важное зелёными линиями своими белыми пишущими приборами. Большие резиновые колбы на их ушах полностью перекрывали слух и слышимость посторонних звуков, и онлайн передавали поток непрерывающейся важной исследовательской информации со всех исследовательских рабочих мест здания Сообщества прямо в мозг.

Гарий привёл Кристофа к пустому лечебному кабинету. Заглянув внутрь, и убедившись, что там никого нет, и никого нет поблизости, а самодвижущиеся ленты пусты, мужчины вошли в кабинет. Гарий продолжил:

— Как ты это устроишь?

— Я уже знаю, как. В Сообществе Правителей есть необходимый человек.

— Ты очень рискуешь, Кристоф. Ради одних суток. Столько риска, столько риска...

— Может и не суток.

— Что ты имеешь ввиду? Ты совсем с ума сошёл? — шептал Гарий.

— Достала эта уродина. Я хочу всё изменить.

— Тебе не позволят. Захватишь власть в «Центре», но в других Сообществах захватить власть тебе не позволят.

— Я найду единомышленников среди людей, поверь. Многим не нравится, что каждая мена регистрируется. Каждый имеет право на тайну, а наши Сообщества лишают всех этого, — продолжал шептать, как и Гарий, Кристоф.

— Это правильно — регистрировать. Ведь вспомни, как раньше было! Сколько было плаксивых случаев! Люди давали свою часть тела на сутки. А те, кто брал, через сутки не возвращал её назад. Помнишь, к чему это приводило? Люди оставались навсегда с чужими частями тела. С больными ногами, незрячими глазами... Помнишь, как тогда развязывались междоусобицы, и даже убийства? Недалеко было и до народной войны!

— Тише ты. Это было дело чести каждого. А как тебе такая развязка: люди будут меняться и всегда обходить всякие подводные камни стороной, без пристального наблюдения со стороны Сообществ.

— Как это? Разве это возможно?

— Вот ты, например. Поранишь или сломаешь руку, как ты будешь сдавать свой еженедельный экзамен? Как будешь управлять в этот день хирургическим роботом? А? А вот возьмишь и попросишь своего лучшего друга-хирурга одолжить на время экзамена руку и как всегда с успехом сдашь. И без лишней шумихи. И без понижения в ранге. Никто не узнает о твоей мене.

— Ты прав, мена без излишней шумихи и осведомлённости во многом может помочь: и экзамены не своими руками сдавать, и на соревнованиях каких-нибудь побеждать не своими ногами, и видеть многие вещи, о которых ты раньше не подозревал, другими глазами — в прямом смысле этого слова, и ещё много чего можно сделать. Но... Это незаконно. Это неправильно. Нужно выигрывать в этой жизни честно.

— Хватит уже о честности. Чем честнее человек, тем он беднее.

— Я всем доволен. И не хочу иметь проблемы с законом. Я не хочу в лагерь к Обезличенным. Тогда моей карьере будет конец. Буду обычным работягой. А вообще, поговаривают, в лагерях не так всё гладко в последнее время. Некоторые лагеря забывают оснащать продукцией, или вообще забывают об их существовании. Слышал, что там возрождаются эпидемии, поголовный мор. Ох... Не хотел бы я там оказаться.

— Поверь, всё изменится. У нас сторонников будет больше, чем противников. Противники если и будут, так это только небольшая кучка из Сообществ, и то не все.

— Боюсь я подозрений, зря ты пришёл, — волновался Гарий. — Неужели кто-то думает так же, как и ты?

— Да, думает, — продолжил тихо говорить Кристоф. — А ты, что, никогда об этом не думал — о не зарегистрированной мене? Признайся же!

— Да, были мысли о том, что о мене лучше никому не рассказывать. Ты знаешь, особенно это касается гениталий, — Гарий покраснел, заулыбался. — Было бы неплохо, если бы я познакомился с какой-нибудь красоткой, и на ночь поменялся бы с каким-нибудь мужчиной с... Ну, ты понимаешь, чем..., достоинством. И, вроде бы, ты — и супермен, и женщина довольна...

— Ну, вот, ты начал меня понимать, Гарий, — тихонько засмеялся Кристоф. — Зачастую меняться, не регистрируясь — это так важно. Правда же! Не надо ни перед кем оправдываться, отчитываться, что и почему, и зачем... Гарий, дай мне те капли.

Гарий тяжело вздохнул, испуганно выпучив глаза.

— Они ещё не протестированы, предупреждаю. Я, конечно, не даю гарантий. И не предвижу последствий. Главное, чтобы элементы этих капель в нанолантах никто не обнаружил. Если обнаружат, расследуют... Ты знаешь, что тогда. Нас засудят. И мы окажемся в тех местах...

— Да, да. Я понял, в поселении Обезличенных. Гарий. Я в тебе уверен. Ты гений. Всё сработает. И капли твои наверняка окажутся идеальными.

— Кристоф, только предупреждаю ещё раз, капли я создал, но не успел протестировать. Это только всё в теории... Всё это может быть опасно. Капли могут дать какой-нибудь иной, необратимый эффект.

Гарий достал из внутреннего тайного кармана своего белого целительского костюма резной прозрачный маленький пузырёк с фиолетовыми каплями неизвестной Кристофу субстанции и передал его сообщнику. Кристоф взял пузырёк и замер. Он держал его в руках и, как замороженный, разглядывал жидкость, переливающуюся разными оттенками фиолетового.

— Спрячь, быстро спрячь! — испуганно проговорил Гарий. — Ты загубишь нас обоих!

— Гарий, не переживай, — и Кристоф, очнувшись, положил пузырёк себе в карман. — У меня грандиозный план. А ты — гений! Когда я стану главой «Центра планирования мен», сделаю тебя своей правой рукой, — и Кристоф, больше не говоря ни слова, быстро вышел из кабинета, старательно избегая самодвижущихся чёрных лент. Он испытывал чувство глубокого удовлетворения, и был преисполнен желанием как можно скорее подтолкнуть свою коварную мечту к осуществлению.

Гарий, оставшись один, вздохнул и произнёс, как бы в ответ на последние слова приятеля:

— Хотел бы я надеяться на это...

Он осторожно выглянул из-за дверей, убедился, что рядом никого нет, также осторожно прикрыл за собой дверь и встал на чёрную ленту, которая унесла его в кажущуюся белую бесконечность к его рабочему месту. По пути следования его не покидало чувство тревоги.

Кристоф вернулся в Асганду. Он провёл рукой по жидким полотнам и сел в своё огромное, как и его внутреннее преувеличенное самомнение, кресло. Полотна возобновили свою работу, и в них он увидел всё тех же красивых девушек, которые вели свой привычный образ жизни. Кристоф, искренне радуясь своей долгожданной и такой необходимой ему чудесной жидкости, широко и самодовольно улыбался, глубоко дыша от переполняемых его сладостных, исполненных надеждами чувств, посылая воздушные поцелуи в жидкие полотна, которые транслировали жизнерадостных красавиц.

Вдруг всё неожиданно исчезло, экраны потемнели. Самодовольная улыбка с лица Кристофа тут же исчезла, и он заёрзал в своём кресле, испытывая уже совсем иные чувства, нежели мгновение назад. Его охватило беспокойство и неуверенность.

Он догадывался, почему так произошло.

Жидкие полотна вновь включили свою трансляцию, но не из городков с красавицами, а из самого сердца Сообщества Правителей.

— Забрал? — спросил Кристофа мужчина больших размеров, еле выговаривая слова.

— Да, — с неким страхом и дрожью в голосе сказал Кристоф. — Гарий слишком сомнителен. Но капли отдал.

— Ещё бы, он не отдал, — грубым и тяжёлым голосом вновь сказал мужчина. — Жаль, что человечество не может обмениваться внутренними органами. На этом можно было бы построить ещё более могущественный «Центр мен», не терпящий ни жалости, ни оправданий!

Кристоф заёрзал в своём кресле. В таком удобном, ему стало совсем неудобно сидеть.

— Никакой жалости, — сказал мужчина, — ни к кому. Всевластие не подразумевает под собой жалость. Я не хочу больше слышать дрожь в твоём голосе. Мы будем извлекать из сложившейся ситуации максимум положительного — для нас. Дидо с каждым днём всё сильнее

меня раздражает своей правильностью. Ему бы на покой, этому нелепому старцу. Старость и власть — несовместимые понятия.

— Да, да, я понял, Тарон.

— Кристоф, моё имя не обязательно называть. Сейчас. Но в скором времени моё имя будет знать каждый, потому что — это имя грядущих перемен.

Кристоф опустил глаза и утвердительно покачал головой.

— Марго как настроена? Наш план приводится в действие?

— Ссылается на незаконность.

— Но ты же сможешь её уговорить? Обольстить своим совершенством. Хотя, мне всё равно, как ты будешь её обольщать: продолжать целовать её в гусиную шею, или спать с этим чудовищем, но в итоге она должна согласиться.

— Она согласится. Я работаю над этим.

— Уж постарайся, Кристоф. Мы в шаге от цели. Мир ждёт перемен. И не нужно его томить в ожидании.

И жидкие полотна прекратили трансляцию. Тарон всегда также неожиданно исчезал, как и появлялся.

Кристоф немного посидел в своём кресле, приложив руку к месту, где во внутреннем кармане лежали такие долгожданные, такие необходимые ему капли, принцип действия которых он не знал, но в которых был так уверен, что они помогут достичь ему его намеченной цели. Кристоф, охваченный беспокойством, ещё раз, быстро, прокрутил в голове свой план, который готовился долгое время.

— Пора, — сказал он сам себе, встал с кресла и вышел из Асанды.

5

Кристоф подошёл к ненавистной ему комнате Марго и тихонько постучал в дверь.

— Марго? — позвал он её, но не получил ответа.

Постояв немного, он ещё раз попытался заговорить с ней:

— Я знаю, ты слышишь меня. Скоро я сделаю тебя самой красивой женщиной на планете. Я буду любить тебя так сильно, как никто и никогда не любил ни одну из женщин. И никто не узнает, слышишь, никто не узнает, какая ты на самом деле. И никто не узнает, как именно ты станешь другой.

Кристоф замолчал, и остался ждать у двери. Несколько минут никто не открывал. Но подлый красавец был уверен, что после затянувшейся паузы тишины план вступит в действие...

Послышались тяжёлые, но быстрые шаги. Кристоф отпрянул, так, на всякий случай, ведь неизвестно, чего можно ждать от разъярённой и сильно обиженной женщины. Марго открыла дверь.

— Как ты это сделаешь? — спросила она неожиданно твёрдо.

Кристоф даже несколько удивился такому быстрому повороту событий, на миг замешкавшись, но сразу же спохватился и продолжил, схватив её за некрасивые руки, с которых она уже сняла перчатки, и, целуя их, в волнении забыл о том, как ему противно.

— Мы позовём их сюда, тех, красивых женщин, которых я показывал тебе в Асганде, и предложим им поменяться. Да, они поменяются с тобой. Это будет, ну, скажем, «Акция доброй надежды». Назовём так эту процедуру, не требующей регистрации. Многие согласятся помочь тебе, в рамках акции, просто так, всего на денёк. Но мы-то будем знать, что эта мена будет не на денёк, — говорил Кристоф, осторожно поглядывая на неё исподлобья и пытаясь как можно уверенней произносить коварные слова, лишь бы они были приняты ею. На всякий случай он продолжил прикасаться своим красивым ртом к её некрасивым рукам.

— И? — с сарказмом спросила Марго, продолжая принимать слабые поцелуи, глядя на Кристофа сверху вниз, сжав потрескавшиеся, тонкие губы оттого, что чувствовала себя униженной тем, как тот напрасно фальшиво пытался показать искренность своих чувств.

— И они поменяются с тобой, я ведь уже сказал.

— А я уже говорила тебе, что не позволю себе появиться при людях в таком и виде! — крикнула Марго, одёрнув руки от губ Кристофа. — И нарушать закон! Мой авторитет будет утрачен! Надо мной все будут смеяться, как и ты сейчас смеёшься надо мной! — и Марго, разозлившись на свои же слова, сделала усилие, толкнула Кристофа, и уже хотела закрыть за ним дверь. Но Кристоф успел удержать дверь руками.

— Послушай, Марго,... — торопливо заговорил Кристоф, чтобы успеть всё сказать и внушить основную мысль своего дерзкого плана, пока Марго совсем его не прогнала. — Да, ты появишься перед ними, но без маски, без плаща и перчаток. Тебя никто никогда не видел. Поэтому никто не узнает, что это ты. И если перед всеми появится незнакомая женщина, нуждающаяся на миг в красоте, и которая от этого мига будет неизменно счастлива, смогут ли добрые, прекрасные сердца отказать в этом обделённому природой человеку? И наши Сообщества, как и сам «Центр», этим поступком смогут лишний раз показать, насколько они справедливы, добры к людям, и готовы помочь любыми способами в любой ситуации. Это укрепит наши авторитеты.

— Так вот какое истинное отношение ко мне? Я — обделённый природой человек? Или уродина? Или мерзкая гадость? Кто я ещё для тебя? — закричала Марго и оттолкнула Кристофа. — Не могу больше видеть тебя,... — сквозь слёзы произнесла бедная женщина и захлопнула дверь.

Кристоф несколько заволновался. Марго вот-вот уничтожит его план. Всё так близко, богатство и власть, а на пути — лишь одно препятствие — уродливое упрямое создание, мешающее получить желанное. Кристоф кинулся к двери и принялся тихонько и часто стучать:

— Марго, милая моя, Марго! — говорил он, стараясь произносить слова как можно мягче и сдержанней, пытаясь подавить душашую его ненависть к убогому препятствию на пути к своей цели. — Марго, я совсем не хотел тебя обидеть. Я уже представляю, как ты будешь прекрасна, когда возьмёшь от всех этих девиц частички их красивых тел. Я уже вижу тебя — ты само совершенство! Я хочу владеть этим совершенством, слышишь, владеть! Только я, и только ты! Мы — вместе! Подумай, Марго! Никто не знает, как ты выглядишь на самом деле. И если ты не вернёшь красивые части тела обратно в конце дня, то они навсегда достанутся тебе. И ты станешь самой красивой женщиной на земле. И будешь продолжать властвовать! И сможешь наконец-то избавиться от своих одеяний, в которых ты прячешься всю свою жизнь. И никто никогда не подумает, кто именно нарушил закон. Никто не сможет найти того, кто нарушил закон. Ты будешь самой красивой, самой желанной для меня, и самой счастливой. Марго?

Она не открывала дверь, и ничего не отвечала. Кристоф сильно злился. Он начинал всё больше ненавидеть Марго и готов был сейчас от переполняющей его ненависти задушить уродину собственными руками.

Но ему ничего не оставалось, как уйти.

Марго стояла по другую сторону двери, прислонившись к ней всем телом. Она чувствовала очень сильную обиду, и не могла сдерживать слёз. Марго, сильная, властная женщина, долгие годы непоколебимая в своих помыслах и идеях, бесшумно рыдала. Она ненавидела Кристофа за боль и страдания, которые он ей причинил, и, одновременно, она ненавидела себя за свою женскую слабость, и за свою сильную, совершенно безграничную и верную любовь к этому человеку, понимая, что он никогда не полюбит её такой, какая она есть.

Марго отпрянула от двери, вытирая слёзы некрасивыми руками со своего некрасивого лица. Мысли, одна за другой, охватывали её разум, отчего она начала ходить взад и вперёд по своей мрачной, вызывающей только чувство одиночества, комнате в своём чёрно-белом атласном плаще, который развивался, будто по ветру, от её быстрых хождений. Она совсем не понимала, что ей делать, что ей почувствовать и как себя вести.

Неожиданно она увидела...

Увидела и остановилась.

Увидела кого-то там, в зеркале...

В том самом зеркале, которое она в сердцах разбила подсвечником.

Оно треснуло, но ни один из осколков не упал. Во множественных расколах, издали, силуэт Марго исказился и странным образом приобрёл потрясающе правильные очертания. И лицо... Её лицо казалось в этих расколах настолько красивым, что Марго не могла отвести взгляда. Она замерла. Она стояла и долго смотрела. Она смотрела на своё лицо. Ей казалось, что это лицо всегда было её лицом, и то, что она уродина, это было только страшным и долгим сном. Но реальность была иной. Жестокой, жёсткой, немилосердной... Быстро придя в себя, и задыхаясь от этой страшной и невыносимо надоевшей действительности, Марго мгновенно приняла неверное решение. Она осознавала, что оно не верное, но ничего поделать с собой не могла. Решение было принято, и вся её внутренняя сущность не хотела его менять.

Марго схватила маску, надела её и выбежала из комнаты, в которой не могла больше находиться.

Она неслась по Красному Коридору, через Тронный Зал, полностью окутанная овладевшими ею страстными и неразделёнными чувствами, обвитая противоречивыми мыслями, не видя никого и ничего вокруг. Чуть не сбивая с ног редких, попадавшихся на её пути работни-

ков «Центра», Марго громко звала Кристофа. Работники оборачивались ей вслед, или пугливо отходили в сторону, не понимая в чём дело.

Она сама не ведала, что делает, что творит...

Кристоф завершал рабочий день в своей Асганде. Он сидел с огромном кресле с чувством полного опустошения и смотрел в пол. Его завышенное самомнение сейчас, как никогда прежде, утратило свою силу даже перед ним самим. Всё это из-за неё... Из-за упёртой женщины, никак не поддающейся его сладостным, но полным лжи и предательства словам и угрозам... Полотна жидких экранов ничего не вещали. Они отражали темноту и неизвестность. Такие же темнота и неизвестность в эти мгновения бушевали внутри тела Кристофа, полного гнойного яда. Вследствие последнего, крайне неприятного общения с Марго, войдя в Асанду, он действительно не хотел никого видеть, слышать и осязать.

— Она согласилась? — и Кристоф вздрогнул от тяжёлого голоса и неожиданно появившегося на экране Тарона.

— Я пока работаю над этим, — неуверенно начал бормотать Кристоф и нервно покашливать. Он совсем не ожидал сейчас увидеть своего повелителя чёрных дел.

— Ты огорчаешь меня. Огорчаешь. Разве ты не знаешь, как обходиться с женщинами?

— Я многое испробовал...

— Что именно ты испробовал? Держал за руки и щебетал нежные пустые словечки? Разве так надо обольщать женщин? Они любят ласки, плотские утехы. Их надо любить, Кристоф, любить! Тебе ли об этом говорить?

Кристоф молчал и нервно покусывал губу.

— Перспектива спать с жабой тебя не привлекает? А власть? Как же власть? Что ты сделал, чтобы заполучить её? Всего одна ночь, и ты на троне.

Представления об этой ночи стали для Кристофа крайне неприятны. Но он боялся что-либо возразить Тарону.

— У тебя остался последний шанс, Кристоф! — грозно сказал Тарон. — Или я больше не буду нуждаться в твоих услугах, — и Тарон отключил сеанс связи. Жидкие полотна вновь погрузились во тьму, и в тяжёлой полной тишине Кристоф вновь остался один на один со своими душевными страданиями.

А Марго, казалось, сошла с ума и совсем позабыла о том, кем является на самом деле.

Она так быстро шла, почти бежала, что чёрный атласный плащ с такой же силой развевался во все стороны. Уже зная, где часто проводит время её любимый Кристоф, она буквально ворвалась в дверь Асанды, которая была не заперта.

— Ты всё ещё здесь? Строишь на них? — задыхаясь от злости и, одновременно от жгучей ревности прошипела Марго.

Кристоф действительно испугался. Сначала Тарон появился неожиданно на жидких полотнах и унизил его достоинство, теперь эта уродливая женщина вмиг нарушила его глубокий уход в себя и тем самым напугала. Он совсем не ожидал увидеть её здесь, к тому же так скоро. Она ведь только что была сильно обижена и не хотела его видеть. Кристоф, чувствуя себя разбитым всеми, принялся почему-то оправдываться, почти не понимая, что происходит:

— Послушай, я уже не смотрю... Я всё отключил... Посмотри, все экраны отключены, — бормотал он, заикаясь, пребывая в полной растерянности. — Прости меня, я был не прав. Позволь мне всё исправить. Я искренне сожалею, Марго, и готов искупить свои нелепые ошибки. Мои высказывания были... Они были..., — Кристоф пытался подобрать слова. — Не спорю, были жёстки, но я лишь хотел поддержать тебя и сделать для тебя что-то приятное. Сделать тебя более счастливой. Пойми...

— Что мне надо сделать, чтобы стать счастливой? — вдруг спросила Кристофа Марго, глядя на него пристально и как никогда уверенно через прорези своей маски. Злость и ревность, странно, но они мгновенно исчезли. Его слова, показавшиеся сейчас, впервые за всё

время, действительно искренними, произвели на сильно обиженную женщину глубокое впечатление. Марго знала, что спросит именно это, когда вне себя бежала по Красному Коридору, бессознательно откидывая прочь в сторону все возможные последствия действий, направленных на приобретение счастья. Но теперь же она спросила, будучи совершенно твёрдо уверенной в том, что она как никогда хочет стать счастливой, полностью осознавая однозначную противоречивость её принципов с теми действиями, которые придётся совершить для достижения намеченной цели. Тем более вид Кристофа, такой растерянный, такой кажущийся-искренний, такой неуверенный и ранимый... Марго не устояла и позволила себе стать слабой и пойти на поводу своих искренних чувств и глубоко спрятанных в душе желаний.

Кристоф опешил от такого поворота событий. Он сначала не поверил в услышанное, но, быстро опомнившись, активизировал весь свой злодейский потенциал и произнёс более уверенным тоном:

— Уже всё готово, Марго! — он бросился к ней, прикоснувшись своими руками к её плечам и также пристально глядя на Марго, как и она на него, сквозь прорези маски. — Осталась лишь самая малость — твой созыв!

Марго молчала. Она чувствовала тепло любимых рук и уже несколько не сомневалась в своих намерениях...

Это был тот самый миг, когда Марго полностью потеряла себя.

Теперь это была не та Марго. Это была безнадежно влюблённая женщина, решившая уцепиться любой ценой за последний шанс стать счастливой.

Кристоф ясно видел настроенность Марго и решил продолжать говорить, говорить... Ведь это был тот самый звёздный час — для него, для достижения его целей и осуществлении его планов.

— Со всех экранов Мира ты, Марго, созовёшь красивых женщин сюда, в «Центр», как акт доброй надежды для обделённого существа, которое поможет этому существу, хотя бы на сутки, стать прекрасным созданием и ощутить истинное счастье.

Кристоф говорил и понимал, что его слова крайне обидно звучат из его уст. Ему самому стало не по себе. Он уж было подумал, что испортил такой подходящий момент, и теперь второго шанса у него точно никогда не будет. Но Марго, как ни странно, продолжала смотреть на любимого человека сквозь прорези маски своими влажными глазами и слушать молча, не издавая ни звука, не совершая никаких действий, сдерживая любые эмоции.

Кристоф видя, что Марго никак не реагирует на сказанное им, продолжил с ещё большим воодушевлением и надеждой в голосе:

— Поверь мне, ты будешь счастлива!

Теперь он, впервые за долгое время, действительно был твёрдо уверен, что Марго согласится на всё, что он предложит.

6

Марго сидела в своих одеяниях в Тронном зале в своём величественном Тронном кресле. Её переполняли противоречивые чувства. С одной стороны — надежда, с другой — отчаянье. Она всё понимала, осознавала, что красота будет украдена, но не могла остановиться и всё прекратить. В её голове уже вырисовывались прекрасные образы той, кем она может стать. Неужели теперь с её рук исчезнут жёлтые, отслаивающиеся ногти, исчезнет морщинистая, прозрачная, изрешечённая венами кожа, неровные тёмные зубы, горбатый нос, тонкие растрескавшиеся губы, не будет больше нависающей кожи на животе и на веках? Она долго могла перечислять в голове свои недостатки, с которыми она прожила всю свою жизнь, и которые не позволяли ей обрести простое человеческое счастье.

— Ты готова? — тихо спросил Кристоф Марго, слегка нагнувшись к её голове.

Марго, вздрогнув, вернулась из своих тяжёлых дум и кивнула. А Кристоф отошёл от неё, и затерялся среди толпы собравшихся Членов «Центра планирования мен», которые уже собрались здесь, в Тронном зале и воодушевлённо смотрели на Марго, ожидая от неё, как всегда, могущественных слов и деяний.

В Сообществе Правителей всё было подготовлено. Тарон давно позаботился о том, чтобы, в случае успешной реализации своей задумки, все цветные жидкие экраны Мира были сразу же готовы растечься по стенам всех домов транслированием гибели репутации великой женщины.

А сейчас, с этих экранов зазвучал голос Марго — твёрдый и решительный, возник её образ — таинственный и, одновременно, такой узнаваемый.

— Народ мой! — произнесла Марго, громко, уверенно и торжественно важно.

И каждый житель Мира смотрел на экраны с замиранием сердца, ожидая чего-то поистине чудесного...

— Я обращаюсь к вам, люди Мира, чтобы узнать, кто из вас обладает добрым сердцем, открытой душой. Кто из вас может быть полон сострадания к...

Марго запнулась на миг, но, быстро опомнившись, продолжила:

— К человеку, не познавшему в этой жизни самого важного — любви. Каждый из вас, я уверена, испытал хоть раз в своей жизни это прекрасное чувство. И это помогло вам обрести спокойствие, уверенность и счастье. Помогло вам стать прекрасными родителями, любящими и любимыми жёнами, мужьями... Но есть те, кто никогда не испытывал этого и, к сожалению, никогда не испытает такое волшебное чувство как любовь, никогда не будет любить и быть любимым, никогда не станет отцом или матерью. Есть люди, до безобразия некрасивы от природы, скрывающиеся от общества всю свою сознательную жизнь. Прекрасные девушки, вы не только прекрасны, но и, я уверена в этом, добры и сострадательны. «Центр планирования мен» начинает грандиозную акцию счастья! Я знаю, вы не останетесь в стороне, не будете равнодушными и обязательно откликнетесь! Вы приедете к нам в «Центр» и на сутки, всего лишь на сутки...

Марго вновь осеклась, проглотила ком в горле, и вновь продолжила:

— Подарите частичку своей красоты тем, кто всегда был этого лишён. Я знаю, что вы есть, вы — красивые снаружи, и прекрасные внутри. Я верю, что увижу вас здесь, искренне сочувствующих убогим, и на время дарующим им истинную веру. Да, да! Веру и неиссякаемую надежду в...

Марго не знала, что ей говорить дальше. Она замолчала. Сквозь прорези маски были видны её влажные глаза и растерянный взгляд. Люди всего Мира смотрели на неё, и Марго всюду чувствовала их взгляды — вопросительные, недоумевающие, растроганные, серьёзные.

Кристоф сильно испугался провала, несуразно согнулся, опустил голову и постарался как можно глубже укрыться от стыда в собравшейся в Тронном зале толпе.

Множество глаз всегда видели в Марго могучего и справедливого Главу «Центра», а теперь эти глаза увидели в ней нечто большее. Что же это?

Люди зашептались: она заплакала? Она сочувствует убогим и лишённым? Она — само добро и помощь? Она истинная и совершенная? Шёпот не унимался. Кристоф и предположить не мог, что именно в этот самый миг выступление Марго возвысит её в глазах народа как никогда ранее. В одночасье Мир будто взорвался аплодисментами, выкрикивая радостные возгласы, полные одобрения и согласия.

Кристоф вздохнул с явным облегчением. Чувство стыда улетучилось, он выпрямился и принялся хлопать, как и все, улыбаясь, вместе со всеми.

Марго встала с Тронного кресла, подняла голову и произнесла, продолжив запнувшуюся речь:

— ... Веру и неиссякаемую надежду в СЕБЯ! Прежде всего — в себя! Я жду вас, народ мой. Жду вас, красивые и прекрасные: телом и душой.

И Марго, окинув всех своим плащом, покинула Тронный зал.

И люди, вслед ей, продолжали рукоплескать.

7

Слова Марго покорили многих. Все верили в то, что «Акция доброй надежды» поможет некоторым из людей на этой планете обрести эту самую надежду. Совсем ненадолго, но поможет поверить в себя. Многие красавицы приехали поддержать лишённых природной красоты людей.

Так думали они.

Тарон помог организовать достойную встречу красивых женщин, разместить их в лучших комнатах одного из корпусов «Центра планирования мен». Его второму помощнику Микку было приказано организовать Группу Контроля — собрать из нескольких членов Сообщества Правителей и Сообщества Целителей группу по отбору женщин, участвующих в «Акции доброй надежды». Все были вовлечены в процесс.

Группа Контроля отобрала двадцать человек — по их мнению, самых красивых и достойных. Перед днём официального старта «Акции доброй надежды» с этими женщинами провели беседы на тему добра, помощи, взаимопонимания и поддержки. Каждая из отобранных женщин искренне верили в то, что их помощь, которую они завтра окажут, будет достойным поступком, даже не смотря на то, что им придётся на время не только подарить кому-то свою красоту, но и на это же самое время расстаться со своей красотой и получить взамен уродство.

Все экраны Мира пестрели заставками проводимой «Акции» на тему великодушия и взаимной поддержки. Жидкие экраны транслировали прекрасных, отобранных для «Акции» женщин, которые заявляли о себе, о своём поступке, о своём достойном решении.

Марго же находилась в своей мрачной комнате. Её саму изнутри душило чувство вины за содеянное — за всемирный обман населения. Она пока не до конца понимала, к чему это всё приведёт, беспокойно ходила из угла в угол и жалела о своём решении поддержать идею Кристофа.

Мрачность комнаты давила. Голоса восторженных толп людей, доносящиеся сплошным восторженным гулом из Тронного зала, с улиц, с многочисленных жидких экранов только раздражала.

Ночь Марго провела, как всегда, в одиночестве, не зная, что будет завтра. Она почти не сомкнула глаз. Она ругала себя, корила, ненавидела за свой поступок, циничный и предательский, но не могла всё прервать, прекратить. Она была будто околдована неверной и безответной любовью, толкавшей её на совершение омерзительных действий, которые были по своей сути преступлением против своего же народа, так искренне верившего в те добрые дела, что делает их великая Правительница мены.

А Кристоф, имея доступы ко всем корпусам и дверям, будучи незамеченным, пробрался в Архивный Комплекс, в котором хранились наноланты. В небольших прозрачных ёмкостях со специально подготовленной вязкой жидкостью находились наноланты, которые вели свой обычный образ жизни. Почти невидимые, живые, они плавали не спеша, дотрагиваясь друг друга своими тончайшими, многочисленными, длинными и гибкими отростками. Сорок из всех общих нанолантов, подготовленных к завтрашней публичной мене, находились отдельно, в небольшом прозрачном футляре. Кристоф осторожно открыл футляр, налил в вязкую жидкость несколько капель средства, которые дал гениальный Гарий. После чего наноланты, будто взбесившись, принялись ускоренно плавать и толкать друг друга, принимая необычные формы и окрашиваясь в немыслимые цвета. Через минуту, успокоившись, наноланты продолжили своё спокойное движение.

— Надеюсь, сработает. И ты, Гарий, всё же окажешься истинным гением, — пробормотал Кристоф, также осторожно закрыл футляр и удалился.

На следующий день, в самом сердце «Центра планирования мен», в главном Менном зале двадцать женщин, отобранных для «Акции доброй надежды», были подготовлены Целителями к процедуре мены. У каждой из женщин были избраны те части тела, которыми они должны были поменяться, и в эти части тела Целители из того самого футляра ввели по одному наноланту, которые сразу же, почувствовав человеческое тело, впились своими тончайшими отростками в клетки. Мгновенно отростки начали расти в длину, а сами наноланты увеличиваться в численности, обволакивая своими мягкими телами каждый сосуд, каждое нервное сплетение той части тела, в которую были помещены.

— Мне как-то не по себе, — заволновалась одна из женщин и слегка пошевелила рукой.

— Я тоже что-то ощущаю, — ответила другая женщина и потрогала свои уши. — Раньше не было таких ощущений от нанолантов.

Остальные женщины повторяли то же самое, ощупывая свои части тела. Станные ощущения не покидали их, и возникла некая паника.

— Прошу вас успокоиться, — заверил один из опытных Целителей. — Это совершенно стандартные наноланты, как и всегда — комфортные и безопасные. Скоро неприятные ощущения оставят вас.

Женщинам было неприятно и странно ощущать то, что они ощущали сейчас, но всё же они прислушались к Целителям и стали немного успокаиваться.

Целители же, переглядываясь друг с другом, сами не могли понять, что происходит, ведь подобных ощущений не должно было быть. Но они, всё же, решили не останавливать процедуру, дабы не сеять панику.

Один из Целителей взял прозрачный футляр с оставшимися двадцатью нанолантами и подошёл к Кристофу.

— Куда позволите идти? — спросил он у него.

— К той, которая будет обмениваться, — ответил Кристоф и, подав знак рукой, зашагал по длинному Красному коридору.

Целитель поспешил за ним.

— В смысле — к той? — переспросил Целитель. — Это будет одна женщина?

— Да! — быстро ответил Кристоф, продолжая идти, не оглядываясь.

— То есть Акция создана только для одной женщины? — ещё раз переспросил удивлённый Целитель, спеша за Кристофом. — Мы все думали, что Акция поможет поверить в себя нескольким бедолажкам.

— Нет! — опять быстро ответил он. — Только одной.

Кристоф постучал в дверь Марго. Целитель остановился за Кристофом. Он смотрел на эту дверь и никак не мог понять, почему они подошли к покоям могучей Правительницы «Центра».

Марго ходила по комнате, нервничала, но услышав стук, тут же остановилась.

— Пора, Марго, — сказал Кристоф. — Тебе ещё надо пройти процедуру подготовки. Со мной Честер.

Марго колебалась.

— Открой, пора идти. Все ждут.

— Как я покажусь им? Мне нельзя, нельзя..., — беспокойно шептала она себе, трясаясь всем телом и чувствуя, что делает непростительную ошибку.

— Марго, прошу тебя, — занервничал Кристоф и начал, не переставая, стучать. — Нужно идти. Все ждут.

Марго открыла дверь. Кристоф и Честер вошли. Честер впервые увидел свою могучую Повелительницу без маски и, незаметно для всех, вздрогнул. В силу своей преданности и тактичности, он изо всех сил старался не показывать своего искреннего удивления уродливостью Правительницы «Центра» и мгновенно возникшего отвращения к сему убогому на вид созда-

нию. Без излишних разговоров, старательно скрывая эмоции, Честер слегка поклонился могучей Марго.

— В какие именно части тела нужно вводить наноланты? — спросил он как можно спокойнее у Кристофа.

— Используй все двадцать нанолантов для разных частей тела. Разве не видишь, как это необходимо? — ответил он.

Марго замерла от подобной бесцеремонности Кристофа при постороннем человеке, и Честер, видя это, и также осознавая подобную бесцеремонность правой руки Могучей Правительницы, сам замер, не зная, что делать дальше и как вести себя в подобной ситуации.

— Быстрее! — не унимался Кристоф, не обращая ни на чьи чувства внимания. Ему было совершенно всё равно, что о нём сейчас думают эта уродина и очередной преданный ей какой-то Целитель. Кристоф знал, что никто из них не откажется сейчас делать то, что он говорит.

Честер достал футляр, старательно продолжая скрывать неоднозначные чувства, эмоции и дрожь в руках, и принялся вводить наноланты в каждую часть тела Марго, подлежащей мене.

— Ещё немного, ещё минутку, — приговаривал при этом Честер, стараясь контролировать свои взгляды на некрасивую женщину, чтобы они не казались обидно-навязчивыми. — Частей тела для мены много. И во все нужно ввести наноланты, это закон.

Тут Честер на секунду замолк и почувствовал внутреннее неудобство. Он понял, что говорил итак понятные для Марго вещи, ведь она — блюститель закона по мене, и прекрасно, без его излишних комментариев, знает, что введение нанолантов перед меной — это закон.

— Простите, Могучая Марго, — тихо, склоняясь перед ней, продолжил Честер. — Мои слова излишни. Мне ли вам говорить об этом, — и тут же, осёкшись, умолк.

— Даже он не смотрит на меня, — угрюмо сказала Марго, беспомощно сидя на треногом стуле, и полностью отдавшись во власть Целителю. — Даже тот, кто верен мне, пытается не смотреть на моё уродство.

Честер немного замешкался от таких слов. Ему стало крайне неудобно и несколько стыдно от своего проступка, который, по сути, и не был проступком. И он не знал, что делать теперь, после произнесённых слов Марго — то ли начать глядеть на неё, прямо, ровно и уверенно, то ли продолжать отводить глаза, лишь бы не смотреть и не обретать всё большее чувство отвращения.

— Нет времени на твои предрассудки, Марго. Честер, когда ты закончишь? — нетерпеливо сказал Кристоф.

— Вот, всё, последний, — и Честер дрожащими руками закрыл футляр.

— Не думала, что будут такие неприятные ощущения, — заёрзала Марго, отвлёкшись на миг от унижительной ситуации. — Всё тело ноет. Мне казалось, что это совершенно безболезненная процедура.

— Идём, — твёрдо сказал Кристоф Правительнице мены, сделав вид, что не услышал её слов.

Повернувшись к Честеру, Кристоф строго сказал ему:

— Никому ни слова. Свободен.

Честер быстро закивал и, не поднимая глаз, поджал голову и быстро засеменял прочь.

Марго, внутренне колеблясь, идти на церемонию «Акции» или нет, всё же надела маску и завернулась в плащ, будто пытаясь укрыться в своих привычных вещах от всех бед. Сильная женщина сейчас была похожа на загнанного в угол беспомощного зверя, у которого не было ни единого выхода из сложившейся ситуации. Она сильно переживала, и не знала, как же всё-таки Кристоф сделает так, что при мене никто не узнает в ней саму Марго, могущественную, известную и, одновременно, мистическую и потаённую от всех мирских глаз.

Кристоф, без излишних слов, теперь уже, будучи твёрдо уверенным в реализации своих замыслов, вышел из мрачной обители. Марго, ощущая неприятную ломоту во всём теле от

недавно введенных нанолантов, неровно дыша, переживая и коря себя за то, что так глупо и беспомощно безвозвратно поддается незаконным действиям любимого человека, пошла за ним.

В главном Менном зале все ждали начала действия, одни — с гордостью, интересом, другие — с любопытством к подобным новшествам, третьи же — с нетерпением ожидали своего звездного часа после совершения низкой подлости и осуществления гнилого плана.

— Приветствую всех! — медленно и с усилием выговаривая слова, произнёс Тарон, как один из главных членов Сообщества Правителей, назначенный на пост Хранителя Церемонии.

Он предстал перед выбранными красивыми женщинами в своем Парящем сидении, не в силах передвигаться самому, смотрел на них, и, некрасиво улыбаясь, высокопарно говорил. Всё происходящее транслировалось на всех жидких экранах каждого дома, каждого городка.

— Вы истинные женщины! — продолжал он, величественно-коряво разводя перед ними руками. — С самыми добрыми сердцами! Сегодня вы на сутки обретёте не только благодарность убогих, но и часть самих убогих. И, зная это, вы не побоялись, и вы здесь.

Женщины, сидя каждая в своём удобном Менном кресле, переглядывались друг с другом и молчали. Все немного переживали, но все эти переживания были приятны, так как были связаны с участием в «Акции» и тем самым с предстоящей известностью в Мире от совершения столь доброго поступка. Красавицы внимательно слушали и ожидали дальнейших действий.

— Пора начинать! — скомандовал Тарон и возвёл руки вверх. Было заметно, каких усилий требовалось сделать подобное. — Все взгляды Мира! Сейчас вы направлены именно сюда! Вы все будете первыми, кто станет свидетелем поистине чудесного и на редкость добродушного, открытого и полного сочувствия поступка!

Кристоф шёл впереди, ведя за собой Марго. Она еле поспевала за ним, и почти бежала, продолжая кутаться в своём плаще, оттого путаясь в его атласных тканях.

— Куда мы? Что мне делать? — в растерянности говорила она ему.

Кристоф молчал и уверенно шёл. Он что-то чувствовал, но не мог понять что: странная радость, с привкусом ехидства, смешанная с долгожданным облегчением по поводу так скоро и не логически поспешно наступающего осуществления предательского события, распирала его. Он совершенно не хотел отвечать на судорожные возгласы, такие надоевшие и ненавистные ему за столь долгое время, исходящие из глотки такой же надоевшей и ненавистной ему женщины.

Дойдя до той двери, которая ведёт в главный Менный зал, он остановился и резко повернулся к Марго. Та чуть было не столкнулась с ним от его неожиданной остановки. Кристоф схватил Марго за руку и, притянув к себе, глядя в её влажные глаза, уверенно произнёс:

— Прости. Но так надо.

Марго смотрела на него через отверстия маски, ничего не понимающим и беспомощным взглядом. Она и не догадывалась, что слово «Прости» было произнесено любимым ею человеком совершенно без искренних чувств, бездумно, без того самого сущего смысла, который обычно люди вкладывают в такое громкое и непритворное слово. «Прости» — было брошено в лицо Марго как пощечина, как обглоданная кость бродячей собаке.

Кристоф быстро сорвал с головы Марго маску, с тела — плащ, а с рук — перчатки, даже не дав ей одуматься и понять, в чём дело. И вытолкнул бедняжку в дверь, ведущую в Менный зал. А после и сам вышел ко всем и бросил на пол, рядом с Марго, все эти вещи — атрибуты её скрытности, власти и всеобщей узнаваемости. Марго обессилила от подобной беспардонности, бесцеремонности, циничности... Её тело обмякло, не в силах более сопротивляться и принимать решения. Ноги подкосились, отягощённые бесстыдным поступком близкого человека, и Марго упала.

Она очутилась на полу, рядом с маской, плащом и перчатками. Хотя она и упала сама, но бросил её на пол именно любимый всей душой мужчина, морально изничтожив в ней последние капли достоинства. Бросил и растоптал. И опять исчез из её жизни, за дверью, затерявшись

в толпе ошарашенной толпы. В его внутренностях ничего не дрогнуло, ни единая струнка. Ни капли совести не просочилось сквозь его ядовитое тело. Он сделал то, что давно хотел сделать, и был совершенно спокоен.

Все ахнули.

Все экраны Мира транслировали упавшую на пол женщину, в которой люди узнали ту самую могущественную Марго по её таким узнаваемым всеми вещам — маске, атласному плащу, перчаткам... Тарон, всеми усилиями пытаясь скрыть наглую ухмылку, повернулся к Марго и продолжил говорить, подхватив столь удачный для него самого момент:

— Убогость и уродство... Как вы думаете, как выглядят они? Насколько человек может быть страшен?

Тарон приблизил своё Парящее сидение к Марго, такой растерянной и напуганной, совершенно беспомощной и безмолвной, и продолжил, указав на бедняжку:

— Да, да! Именно так!

Наступила тишина. Все молчали. Все видели перед собой очень некрасивого человека. Женщины, выбранные для мены, поморщились, вздрогнули, ощутили по всему телу пробирающие насквозь мурашки. Они переглянулись между собой и стыдливо опустили глаза. Им было стыдно не за некрасивую женщину, которую они сейчас увидели, а за себя. Ведь каждая из них сейчас думала о том, чтобы сбежать отсюда, отказаться от этой затеи с меной ради какой-то, ненужной для них самих, чьей-то надежды, мимолётной и недолговременной. И каждая из красавиц внутренне ругала себя за то, что согласились принять участие в «Акции».

— Эта женщина, — продолжал Тарон уверенно и громогласно, — совершенно однозначно нуждается в вашем понимании, в вашем сочувствии и уважении, не смотря на некие недостатки. Я верю, что вы, собравшиеся здесь, красивые женщины, согласны на недолгий миг, всего на сутки, одарить своей красотой этого некрасивого, обделённого природой, человека.

Послышался робкий голос одной из отобранных красавиц:

— Мена будет происходить только для неё одной? Мы думали, что мы поможем нескольким людям.

— Вашей храбрости хватит лишь для неё одной, — ответил Тарон. — Мы гордимся тем, что сегодня вы позволите столь нелепому существу ощутить себя прекрасным созданием.

Никто во всём Мире не мог поверить, что эта некрасивая женщина и есть та самая могущественная Марго. Как же сложно было сейчас Миру смириться с той мыслью, что именно этот сильный, властный и справедливый человек, которого они слушались, за которым наблюдали и следовали, которым восхищались, и даже побаивались, это и есть то создание, которое нуждалось в помощи и сочувствии.

Тарон взял Марго за её обмякшую руку. Она медленно встала. Её безвольное тело напоминало марионетку, повисшую на ниточках на пальцах кукловода. Немного придя в осознание действительности, Марго, щурясь от раздражающего света, устремлённого прямо на неё, что придавало её некрасивому лицу ещё большую уродливость, пыталась разглядеть всё вокруг. Но она не видела никого, а только сплошную серую массу, образовавшуюся из тел сотрудников «Центра», красивых женщин, участвовавших в «Акции доброй надежды», и других людей, собравшихся здесь поглазеть. Тщетно пытаясь разглядеть хоть кого-то, она опустила глаза, опасаясь в отношении себя негативной реакции толпы, впившейся в неё своими многочисленными взглядами, выражающими только лишь укоризну и презрение. Она боялась вымолвить хоть слово, она дрожала от позора и предательства, роняя капли слёз на зеркальный пол. Увидев в нём своё уродливое отражение, Марго зажмурилась.

— Это немного жестоко, — вдруг сказала одна из красивых женщин, нарушив затянувшееся всеобщее молчание. — Помочь человеку почувствовать себя увереннее, можно было бы и без излишней шумихи. Это правда — жестоко...

— Мы хотели открыть глаза! Всем! — громко ответил Тарон, пытаясь защититься и уже начал мысленно ненавидеть эту красивую женщину и её такое неподходящее высказывание. — Открыть глаза на происходящее. Мы хотели, чтобы все увидели, что и с вами поступали жестоко. Как долго от вас скрывали правду! Вы ведь все узнали, кто она, не правда ли? Узнали, кто эта некрасивая особа? Конечно, узнали! — продолжил Тарон, ответив на свой же вопрос, с усилием пытаясь скрыть играющую внутри себя искреннюю, тешащую его самодовольствие, радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.